

Эдуард Поляков

Жемчужные

слезы

The bottom half of the image shows a woman in a dark wetsuit underwater. She is smiling and hugging a large dolphin. Another dolphin is visible in the foreground, looking towards the woman. The water is clear and blue, with light rays filtering through.

Эдуард Поляков
Жемчужные слезы

«Автор»

2026

Поляков Э.

Жемчужные слезы / Э. Поляков — «Автор», 2026

Алексей знал, что такое терять. Жена ушла из жизни слишком рано. Море забрало его маленькую дочь Полю. Дельфиниха Ласка тоскует вместе с ним. однажды Ласка возвращается – она ведет отца туда, где сбываются чудеса, туда, где начинается чудо.«Жемчужные слёзы» – книга о том, как боль превращается в красоту, как отчаяние уступает место надежде. как одна маленькая девочка, ставшая частью моря, учит беречь мир, в котором живет.Это история, от которой плачут. И улыбаются сквозь слёзы. Потому что чудеса случаются – даже когда в них перестаёшь верить.

© Поляков Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог Тот, кто видел	5
Глава 1. Океан возвращается.	7
Глава 2. Устрица	9
Глава 3. Шесть лет счастья	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эдуард Поляков

Жемчужные слезы

Пролог Тот, кто видел

Он рассказывал это только один раз в жизни. И то, не вслух - а в пустой ночной кубрик, когда соседи спали, а за бортом выл ветер, и ледяная вода била в обшивку, как будто кто-то огромный, злой, хотел выломать дверь. Алексей лежал на спине, заложив руки за голову. Смотрел в потолок. На нём дрожал отблеск дежурной лампы - жёлтый, слабый, беспомощный. В голове гудело после пятнадцати часов под водой - не больно, не приятно, а так, будто кто-то насыпал туда мелких ракушек и трясёт. Глаза щипало от солёного ветра - он пробирался даже сквозь задранные иллюминаторы, даже сквозь три слоя одежды, даже сквозь кожу - до самых костей. Он лежал и думал. «Мне показалось». Он думал так два года. Два года он просыпался по ночам с этим лицом перед глазами. Два года он нырял в чёрную воду и ждал - увидит снова или нет. Два года он боялся признаться себе, что это было не помутнение, не усталость, не «кислородное голодание», как говорил врач. Это было что-то другое. И он это знал. Баренцево море не терпит слабаков. Оно не прощает ошибок. Не даёт второго шанса тем, кто не умеет держать себя в руках. Оно холодное, солёное, тяжёлое - как расплавленный свинец, только свинец обжигает, а это - замораживает душу раньше, чем тело. Под водой, на глубине, где каждый вдох из баллона - как последний, человек остаётся наедине с самым страшным: с собственным мозгом. Мозг рисует картины, когда ему страшно. Мозг придумывает тени, когда вокруг темно. Мозг заставляет тебя видеть лица там, где только камни и водоросли. Алексей знал это. Его учили. На флоте психологическую подготовку проходили серьёзно. Целый курс - «Тренировка устойчивости к сенсорной депривации». Красивые слова, за которыми стояла простая вещь: когда ты один в чёрной воде, когда нет ни звука, ни света, ни ориентира - твой собственный разум становится врагом. «Если видишь что-то странное на глубине - не верь глазам. Верь приборам. Верь тренировке. Верь тому, что кроме тебя и рыбы там никого нет». Он верил. Он верил долго. До того самого погружения. Они шли парой - он и Олег. Тот самый Олег, чью жизнь он потом спасёт во время кессонной болезни. Тот самый Олег, который через много лет будет сидеть на берегу Чёрного моря, ловить бычка и рассказывать внукам: «Если бы не Лёшка - меня бы не было». Но тогда, за месяц до того случая, они просто работали. Рядовая проверка. Обычное задание. Опуститься на глубину, осмотреть кабель, доложить наверх. Всё как всегда. Кислород - норма. Давление - норма. Самочувствие - норма. И вода - как всегда. Чёрная. Абсолютно. Беспросветно. Не тёмно-синяя, как на картинках National Geographic. Не прозрачно-бирюзовая, как в отпускных буклетах Турции. Чёрная. Как дёготь. Как космос. Как кровь, которая сворачивается в темноте и перестаёт быть кровью, становясь просто тёмным пятном. Фонари выхватывали из этой тьмы куски скал - острых, как бритва, покрытых слоем вековой слизи. Старые сети - забытые кем-то двадцать лет назад, теперь ставшие домом для мелкой рыбы и крабов. Ошмётки водорослей - длинных, скользких, похожих на чьи-то распущенные волосы. И вдруг - лицо. Оно появилось из ниоткуда. Не выплыло - не из расщелины, не из-за камня. Просто - возникло. Как будто вода расступилась на секунду, пропуская что-то, чему не было места в мире людей. Метрах в трёх от Алексея. Женское. Бледное - не белое, не серое, а такое, будто кожа никогда не видела солнца. Не мертвенное - живое, но живущее в вечной темноте, как рыбы на километровой глубине. Длинные тёмные волосы. Они не всплывали вверх, как у утопленницы - они стелились по воде, извивались, как будто у них была своя воля, свои мысли, своя жизнь. Глаза - светлые, огромные. Не голубые. Не зелёные. Светлые - как вода на рассвете, когда солнце ещё не взошло, но уже небо побелело на востоке. В них ничего не было. Не зла,

ни агрессии. но и Не добро и не любопытство. Не равнодушие. Просто - внимание. Как будто кто-то долго-долго изучал его, прежде чем показаться. Как будто знала о нём всё - и позволила увидеть себя только потому, что он был допущен. Алексей замер. Он перестал дышать. Перестал моргать. Перестал существовать. Он даже думать перестал - мысли кончились, осталось только пустое, звенящее тело, которое висит в чёрной воде напротив лица, которого не может быть. Они смотрели друг на друга три секунды. Может, пять. Может, вечность. Он не знал. Потом лицо качнулось - и исчезло. Просто - растворилось в черноте. Быстрее любой рыбы. Быстрее дельфина. Быстрее тени на стене, когда выключают свет. Исчезло. Как не бывало. Олег ничего не видел. Он копался в кабеле в пятнадцати метрах - возился с разъёмами, матерился под водой на чём свет стоит, потому что перчатки скользили, а холод пробирал даже сквозь гидрокостюм. Алексей не сказал ему ни слова. Не сказал никому. Они поднялись на поверхность. Переоделись. Сдали снаряжение. Выпили горячего чаю с сахаром - положено для восстановления тепла. - Ты чего такой белый? - спросил Олег, когда они сидели в рубке. - Устал, - ответил Алексей. - Слишком долго под водой. Олег кивнул. Поверил. Алексей соврал. Он вообще много врал с того дня. Самому себе - «мне показалось». Командиру - «всё штатно, без происшествий». Врачу - «нет, головокружений не было, с памятью всё в порядке». Потом - жене, когда она ещё была жива - «нет, дорогая, ничего странного, обычная работа». Потом - всем вокруг. Только одному человеку он рассказал правду. Своей дочери. Маленькой Поле. - Папа, - спросила она, когда они сидели на берегу моря, и вода лизала их босые ноги, - а ты веришь в русалок? Он посмотрел на неё долгим взглядом. Солнце золотило её волосы. Вода пахла йодом, водорослями и детством. - Верю, - сказал он. - Я видел одну. Давно. - И что она? - Красивая была. И... не страшная, какая то необычная, морская фея прям. И ничего, - он помолчал, подбирая слова, - ничего человеческого в её глазах не было. Похоже она и сама удивилась увидев меня, в общем познакомились случайно, и разошлись каждый по своим делам - улыбнулся он. Поля задумалась. Нахмурилась - смешно, по-взрослому. - А если я когда-нибудь стану русалкой - ты будешь меня бояться? Он тогда рассмеялся. Звонко, легко - как не смеялся после смерти жены. Подхватил дочь на руки, закружил. Она завизжала от восторга, обхватила его за шею, прижалась щекой к щеке. - Ты никогда не станешь русалкой, Устрица, - сказал он твёрдо. - Я не позволю. В тот вечер, на тёплом песке, с дочерью на руках - он верил в свои слова. Он верил, что сможет её защитить. Что море не посмеет забрать человека, которого он любит. Море посмеет. Море всегда смеет. Но это будет потом. А пока - они сидели на берегу северного моря, смотрели на звёзды, и маленькая Поля засыпала у него на руках, тихо напевая себе под нос песню, которой её никто не учил. Песню моря, песню надежды.

Глава 1. Океан возвращается.

Поезд «Архангельск - Адлер» отстучал три тысячи километров. Алексей сидел у окна, положив голову на кулак. За стеклом мелькали сосны - высокие, смоляные, пахнущие детством. Потом берёзы - белые, тонкие, они стояли по колени в тумане. Потом степи - жёлтые, бескрайние, они давили на глаза своей пустотой. Потом горы - зелёные, с белыми шапками на вершинах, они росли прямо из облаков. Он почти не спал двое суток. Не потому, что опять не мог - вагонное покачивание убаюкивает, а в купе никого не было. Просто привык не спать в дороге. Ещё с флота. Там, на Северном, сон был роскошью. Тревога, погружение, боевая готовность - организм перестроился, отучился отключаться надолго. Теперь он спал урывками. Два часа - и просыпался. Час - и снова вставал. Пятнадцать минут в обед - и хватало до вечера. Жена говорила: «Ты себя угробишь». Улыбалась. Гладила по голове. Теперь её нет. На Северном флоте он получил позывной «Океан». Сначала молодые матросы хихикали - ну какой из худого двадцатидвухлетнего лейтенанта Океан? Он не обижался. Он сам понимал - смешно. Океан - это мощь, глубина, сила. А он - тощий, с острыми ключицами, с вечно обветренными губами. Какой из него Океан? Потом перестали смеяться. После того, как он вытащил Олега с сорока пяти метров, когда у того закипела кровь от кессонной болезни, никто не шутил. Даже старые мичманы, которые никого не уважали, даже замкомдива, который считал, что лучший подводник - мёртвый подводник, потому что не создаёт проблем. Командир дивизиона сказал тогда: «Океан - он и есть океан. Тихий снаружи. А внутри - если что - сносит берега». Алексей не считал себя героем. Просто сделал то, что должен был. Олег был рядом. Олег задыхался. Олег смотрел на него глазами, полными ужаса - не боли, нет, боль приходит потом, а именно ужаса, потому что понял: сейчас умрёт. Алексей подхватил его. Пошёл на подъём. Нарушил инструкцию - слишком быстро, слишком рискованно. Воздух в лёгких превратился в иглы. Искры летели из глаз. В голове стучало: «Всё, Океан, доплавался». Не доплавался. Олега спасли. Три месяца в барокамере. Комиссование. Инвалидность второй группы. Но - живой. Алексея не наказали. Наоборот - грамота, благодарность, внеочередное звание. Он положил грамоту в стол. И забыл. Отслужил ещё три года. Уволился сам. Потому что дома ждала маленькая Поля. Потому что жена - Царство ей Небесное - уже не ждала. Ольга болела полгода. Рак пришёл внезапно. Как шторм в безветренную погоду. Сначала - усталость. Потом - боль. Потом - анализы, врачи, диагноз, который он не мог выговорить вслух. Она не плакала. Ни разу. Только улыбалась - той самой улыбкой, от которой у него всё переворачивалось внутри. - Ты справишься, - говорила она. - С Полей. Без меня. - Не говори так. - Надо, Лёша. Надо. Она маленькая. Ей нужен отец. - Ей нужна мать. - А матери нет. И не будет. Будешь ты. Он не справился. Не сразу. Первые полгода после её смерти он пил. По-чёрному, по-русски, по-смертному. Закодировался сам - нашёл врача, зашил капсулу. Два года не брал в рот. Потом в одно очередное, мерзкое, похмельное утро позвонил Денис. - Лёша, привет. Ты где? - Прошел слух, я в курсе. Отец тебя зовет. Ты нужен здесь. В Сочи приезжай. Работа есть. - Какая? - Дельфины. Будешь учить. Алексей подумал - шути, но похоже Не шутил. - Ты же знаешь - я на флоте служил. Какие дельфины? - Самые настоящие. Умные. Добрые. Поля их полюбит. Поля. Он вспомнил дочь, которая почти не помнила мать. Которая пахла молоком и солнцем. Которая сказала ему на прощание, когда он уезжал на работу: «Папа, привези мне живого дельфинчика». Ей было четыре. Она уже тогда знала, что хочет. «Привезу», - сказал он. Не привёз, Привез только плюшевого доходягу с кривым плавником, купленного по случаю в придорожной комиссионке, где то на старом вокзале п последней командировке. Теперь - к дельфинам поедет сам и повезет дочь. На перроне в Адлере было душно. Море пахло издали - через запах дизеля, пыли, жареного мяса с лотков, через потные тела толпы, через гудки такси и крики зазывал. Алексей спрыгнул с подножки, закинул вещмешок на плечо - старый, армейский, выдавший виды - и сразу увидел Дениса. Тот

стоял в пяти шагах. Улыбался во весь рот - тридцать два зуба, каждый на месте. В руках держал букет - нелепый, из гладиолусов и каких-то жёлтых цветов, похожих на солнце. Рядом топталась девочка в панамке с морскими звёздами. Шесть лет. Тонкая, смуглая, с серыми глазами - точь-в-точь как у жены. Поля.- Лёша! - Денис шагнул навстречу. Обнял - крепко, по-мужски, хлопнул по спине. - Три года, брат. Три года. Выглядишь - Как с флота, - закончил Алексей. - Не ври, что хорошо. - Нормально выглядишь. Правда. Похудел только. - Это вода. Северная, следы Оставляет. Не смывается. Денис отступил на шаг, посмотрел серьёзно. Он вырос - не вверх, нет, в плечах. Двадцать пять лет, а уже седина в чёрных волосах. Тоже работа - дельфины, говорят, не прощают слабости. Или прощают? Алексей ещё не знал. - А это, - Алексей подтолкнул вперёд девочку, - моя главная болельщица. Поля, скажи Здравствуйте дядя Денис. Поля подняла голову. Глаза - серые. Штормовые. Смотрели спокойно, чуть насмешливо, как будто знали что-то, чего не знали взрослые. В руках - игрушечный дельфин. Старый, потрёпанный, с оторванным плавником, зашитым синей ниткой. Кто-то очень старался - стежки мелкие, аккуратные. Материнские. - Здравствуйте, - сказала Поля тихо. - Вы правда дельфинов учите? - Всех до одного, в черном море - научил улыбнулся Денис, Затем присел на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне. - А моего дельфина научите? - Поля подняла игрушку. - Её Фрося зовут. Она плавать пока не умеет, у неё плавник болит. Денис посмотрел на дельфина. Потом - на Алексея. Тот развёл руками: «Ну всё, принимай гостей что ли!». - Научим, - сказал Денис. - Обязательно. Я научу Фросю плавать быстрее всех. Поля улыбнулась. У неё не хватало одного переднего зуба. Денис забрал вещмешок - крикнул от тяжести - и повёл их к машине. Старый синий универсал, заляпанный по бокам грязью, с потрескавшимся бампером и наклейкой на заднем стекле: «Уступи дорогу дельфину». - Отец, кстати, передаёт привет, - сказал Денис, когда они выезжали с перрона. - Сказал, чтобы я тебя берёг. Я говорю: пап, он твою жизнь спас, а не ты его. - Как он? - спросил Алексей. - Нормально. На костылях, но бодрый. Спрашивал, приедешь ли на рыбалку. Говорит, бычок пошёл. - Приеду. Передай - обязательно. Денис кивнул, не оборачиваясь. Тронул машину с места. За окном поплыли пальмы - живые, настоящие, не на картинке. Мимо проехали вывеску: «Сочи - город солнца». Потом ещё одну: «Добро пожаловать в рай». - Лёш, - сказал Денис уже серьёзно, как взрослый взрослому. - Ты не пожалеешь. Дельфинарий - это ну, ты увидишь сам. Это не флот. Но там тоже свои законы. - Какие? - Там всё решает взгляд. Дельфин смотрит на тебя - и ты либо свой, либо никто. Либо ты ему нравишься, либо ты - пустое место. Рыбу он съест и уйдёт. А работать будет только с тем, кого выбрал. - И как понять - выбрал или нет? - Увидишь. Поля тебя уже проверила. Своим дельфином. - Денис кивнул на заднее сиденье. Алексей обернулся. Поля спала. Прижимала к груди Фросю с зашитым плавником. Губы её шевелились - она что-то шептала во сне. Может, море. Может, дельфина. Может, что-то, что Алексей не мог понять. Никогда не поймёт. Он отвернулся к окну. За стеклом уже блестело Чёрное море. Огромное, тёплое, чужое. Пока ещё чужое. «Ничего, - подумал Алексей. - Океан привыкает ко всему». Машина свернула на прибрежное шоссе. Запахло йодом, рыбой, водорослями. Где-то кричали чайки. Где-то дети визжали от восторга. И впереди, на вывеске с потрескавшейся краской, он прочитал: «Дельфинарий Акватория. Добро пожаловать в мир, где сбываются мечты». Алексей усмехнулся. Он в мечты не верил. Но в Полю - почему-то - уже верил.

Глава 2. Устрица

Первые полгода в дельфинарии прошли как в тумане. Алексей учился. Не просто работать с дельфинами - он учился заново дышать в тёплой, пахнущей йодом и рыбой воде. На Севере всё было по-другому: холод, давление, сталь, приказы, уставы, подъём по тревоге. Здесь - солнце, пальмы, дельфины и смех Поля. Она таскалась за ним везде. С утра, когда он чистил бассейны - шлангом смывал зелёный налёт со стенок - Поля сидела на бортике, болтала босыми ногами в воде и рассказывала Фросе про «дядь Лёшу». Днём, когда он тренировал молодых дельфинов - подавал команды свистком, бросал рыбу за прыжки - она стояла у ограждения, прижимая к носу панамку, и командовала тоненьким голосом: «Крутись! Прыгай! Выше!». Вечером, когда он падал без сил в комнате при дельфинарии, которую выделил ему Денис - тесной, с одним окном и скрипучей кроватью - Поля сидела рядом за столом, рисовала дельфинов цветными карандашами и бормотала себе под нос какие-то свои, детские, никому не понятные истории. Он уставал. Но это была хорошая усталость - та, после которой спишь без снов, без кошмаров, без криков во тьме. Денис втягивал его в работу постепенно. Сначала - просто наблюдал, как Алексей ведёт себя с дельфинами. Потом доверил кормление. Потом - простые команды: «к бортику», «нос вверх», «плавник».- Они умнее собак, - говорил Денис, стоя на пирсе и глядя, как Алексей пытается подозвать строптивного молодого самца. - Но обидчивее. Ты не можешь просто заставить дельфина что-то сделать. Он должен сам захотеть. Ради тебя. Или ради рыбы. Лучше - ради тебя.- Как ребёнок, - сказал Алексей.- Как Поля, - усмехнулся Денис. - Да. Он не знал, как сильно попадёт в цель. Ласка появилась не сразу. Или она просто долго присматривалась. Она была старожилкой дельфинария - взрослая самка афалина. Алексей потом узнал: ей около пятнадцати, она пережила трех тренеров, два переезда и одну тяжёлую болезнь - пневмонию, которая чуть не убила её три года назад. Спина - гладкая, серая, с пятном на левом боку. Пятно было похоже на морскую звезду. Пять лучей, правильная форма. Как татуировка. Денис говорил: «Ласка - самая умная в Акватории. И самая упрямая. Если она не захочет с тобой работать - не заставишь». Первые недели Ласка игнорировала Алексея. Подплывала к бортику. Смотрела на него чёрным блестящим глазом - умным, древним, всезнающим. И уплывала. Не брала рыбу из рук. Не отзывалась на свисток. Не поворачивала голову, когда он звал её по имени. Поля злилась.- Ты не так делаешь! - кричала она, топая босой ногой по бетону. - Надо вот так! И показывала. Подходила к бассейну. Сиделась на корточках. Протягивала руку - ладонью вверх, пальцы расслаблены. И свистела. Не свистком - ртом. Двумя пальцами. У неё получалось тонко, чисто, пронзительно - почти как у самих дельфинов. Ласка в ту же секунду оказывалась рядом. Тыкалась носом в ладонь. Издавала короткий щёлкающий звук - как будто здоровалась. «Привет, маленькая. Я тебя помню». Алексей смотрел и не верил.- Ты что, с ней говоришь? - спросил он однажды. Поля пожала плечами.- Она меня понимает. А тебя - нет. Потому что ты не умеешь её слушать.- Я слушаю, - возразил Алексей.- Нет. Ты слышишь воду. А надо - слышать её. Поля ткнула пальцем в Ласку. Дельфиниха качнула головой - один раз, медленно - как будто согласилась. Алексей тогда впервые подумал: «Может, она права?» Прозвище «Устрица» придумалось случайно. Они сидели на пирсе вечером. Поля болтала ногами в тёплой воде - на поверхности плавали медузы, маленькие, прозрачные, похожие на колокольчики. Алексей чистил рыбу для дельфинов на завтра - скребком сдирал чешую, потрошил, промывал в ведре. Молчали. Хорошо. По-своему. Поля вдруг спросила:- Пап, а почему устрицы такие твёрдые? - Чтобы их никто не съел, - ответил Алексей, не поднимая головы.- А внутри они мягкие? - Да. У них там тело. Нежное. И жемчуг иногда бывает. Поля задумалась.- А жемчуг - это они плачут? Алексей поднял голову. Посмотрел на дочь. Вечернее солнце золотило её волосы - они пахли морем и ещё чем-то детским, неуловимым, отчего хотелось плакать. Глаза - серые, серьёзные, не по годам взрослые - смотрели на него в упор.- Говорят, да,

- сказал он. - Когда песчинка попадает внутрь - устрице больно. Она обволакивает её слоем перламутра. Слой за слоем. Год за годом. Так получается жемчуг. Красивый. Дорогой. Поля кивнула. - Значит, красивое получается из боли. Как у нас. - Как у нас? - Ну да. Мама умерла - нам было больно. Но ты улыбаешься. И я улыбаюсь. Значит, у нас тоже внутри жемчуг растёт. Алексей не нашёл слов. Положил нож. Снял с рук чешую - она прилипла к пальцам, блеснула на солнце. Потянулся к дочери. Обнял - крепко, и нежно. Она пахла морем, солнцем и тем самым детским - от которого у взрослых сжимается горло и перехватывает дыхание. - Ты моя Устрица, - сказал он тихо. - Маленькая. Твёрдая снаружи. А внутри - жемчуг. Самый дорогой в мире. Поля засмеялась. - Я не твёрдая! - Это пока. А вырастешь - ракушку вырастишь и будешь прятаться от папы. - Никогда не спрячусь! - крикнула она. - Никогда-никогда-никогда! Она сказала это весело, легко - как обещают дети, не зная, что жизнь иногда заставляет нарушать обещания. Ласка выпрыгнула из воды. Перевернулась в воздухе - блеснула брюхом на солнце - и плюхнулась обратно, подняв тучу брызг. Поля завизжала от восторга, захлопала в ладоши. Алексей смотрел на море. Там, на горизонте, уже зажигались первые звёзды. Вода была спокойной - как зеркало, в которое смотрелось небо. Он не знал тогда, что это спокойствие обманчиво. Что море, которое он полюбил - тёплое, ласковое, пахнущее детством - однажды заберёт у него всё. А потом вернёт - но уже другим. И ему придётся учиться жить заново. Придётся учиться верить. Придётся учиться отпускать. Но сейчас - сейчас он просто держал на руках дочь. И чувствовал, как внутри, глубоко-глубоко, что-то тёплое растёт. Обволакивает старую боль - ту, что от потери жены - и превращает её в блеск. Жемчуг. Как у устрицы.

Глава 3. Шесть лет счастья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.